

18+

Александр Попчиев

**Призрачные
шаги безумия**

*Дневник откровений
Полины П.*

Александр Васильевич Топчиев

Призрачные шаги безумия. Дневник откровений Полины П.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51938801

ISBN 9785449858856

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Середина 90-х. Благополучная семья – мама, папа, восемнадцатилетняя дочь выпускница. Все меняется, когда маму насмерть сбивает автомобиль. Отец уезжает в рейс, оставляя дочь одну с недееспособной бабушкой. Девушка влюбляется во взрослого парня, который, пользуясь горем, приобщает ее к наркотикам. Случайна эта череда событий, или кто-то продумал все до мелочей? Основано на реальных событиях. Все имена, фамилии вымышлены. Все совпадения случайны.

Содержание

Глава 1	5
15 апреля	5
19 апреля	11
23 апреля	12
24 апреля	14
29 апреля	15
6 мая	17
7 мая	18
Глава 2	21
8 мая	21
8 июня	24
15 июня	34
Глава 3	35
16 июня	35
Глава 4	49
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Призрачные шаги безумия Дневник откровений Полины П.

**Александр
Васильевич Топчиев**

© Александр Васильевич Топчиев, 2020

ISBN 978-5-4498-5885-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

15 апреля

Сажу на террасе. Легкий весенний ветерок колышет ветви деревьев. Вокруг все прекрасно – голубое небо, ласковое солнышко. Виноградная лоза обвивает затейливую решетку. Уже появились небольшие листики. Скоро они напитаются соком, станут большими, и закроют вид на улицу. В этом есть плюс. Прохожие не будут украдкой коситься сюда. А мне, если захочется посмотреть, что творится на улице, можно будет присесть поближе и в маленькие щелочки между листвою вести наблюдение.

Маленькой я здесь играла. Терраса становилась то шашком, то уютным семейным гнездышком. Выносила кукол, разговаривала с ними, кормила. Воспитывала. Одни были послушными, другие дерзкими. Одних гладила, жалела. Других ругала. Частенько сажала в ряд, читала книжки. Казалось, они слушали, слегка раскрыв маленькие алые ротки.

Родной с детства уголок. И сегодня вроде все как всегда. Но недостает всего одной детали. Из-за нее весь механизм моей маленькой внутренней вселенной заклинил.

Совсем недавно мы с мамой здесь проводили время.

На душе было приятно, спокойно. Тогда я и подумать не могла, что потеряю ее в один миг. А затем и себя. Раз, и все, двери жизни захлопнулись. Наверное, нужно пытаться их отворить, но нет желания. Заканчиваются силы бороться с собой. Они еще есть, но висят на волоске. По нему уже пошли трещины. Я слышу их. С каждой минутой этот невыносимый звук все нарастает, бьет по барабанным перепонкам.

Теперь я одна, не считая бабушки, папиной матери. Он привез позавчера, сказал: «Будешь присматривать за внучкой Полиной. Она у нас взрослая. Но все равно нельзя ее одну оставлять». Старушка кивнула головой. Я не уверена, что она расслышала, а главное, осознала его слова.

Сама подумала, кто за кем присматривать должен? Она старая, слышит плохо и странная какая-то. Почти не разговаривает. Отец говорил, что болезнь у нее какая-то прогрессирует, по-моему, альцгеймера. Я не поняла. Не разбираюсь в этом. Зачем привез? Она мне совершенно чужая. До этого видела ее один раз. Ездили в гости к папиной сестре, Алине, когда мне было семь лет. Бабушка у нее жила. Тогда она еще общалась со всеми. Внучкой называла, пекла вкусные блины. Какие-то особенные. Мама тоже готовила хорошие, но не такие. В то время у меня проснулись родственные чувства к бабушке.

Больше мы с ней не виделись. Я выросла, многое позабыла. Но аромат блинов до сих пор помнится. Как увидела бабушку, ничто во мне не колыхнулось. Сморщенная ста-

рушка, покрытая черным платком. Только виртуальный запах блинов коснулся обонятельных рецепторов, моментально добрался до мозга. Но и он никак не расшевелил душу.

Папа сегодня ранним утром уехал на Камазе. Наверное, как всегда, в очередную длительную командировку. Никаких напутствий не сделал. Крепко обнял на прощание, поцеловал в мокрую от слез щеку. Сказал: «Держись, дочка. С бабушкой вам будет веселее». Ее тоже обнял. Молча. Запрыгнул в кабину прогретого КамАЗа и уехал, оставив за собой темное облако выхлопных газов.

Как мы с бабушкой уживемся, не знаю. До газовой плиты ее опасно допускать. Если скажу, чтобы не подходила, обидится. А мне с первых дней не хотелось портить с ней отношения. И так на душе плохо. Нужно как-то намекнуть. Но как? Ладно, подожду. Время покажет. Еды после недавних поминок много осталось. Пока можно не готовить. Интересно в жизни складывается. Еще недавно отмечали мой День рождения. Мне исполнилось 18 лет. В школе я самая старшая. В начальных классах год пропустила из-за болезни. Мама радовалась моему совершеннолетию. Вместе строили планы на будущее.

Внутри полная пустота. Когда отец приедет – неизвестно. Я замечала уже давно, что его поездки стали намного длительнее, чем раньше. «Добрые люди» донесли весть, что у папы есть любовница. Наверное, мама знала обо всем, только

ничего не говорила и не устраивала истерик. Бедная мама.

Мне кажется, что отец бросил меня надолго одну. И бабушку привез, чтобы после рейса к любовнице двинуть. Неужели ему меня не жалко? А может, я сама себя накручиваю, отчего больнее на душе становится. Но так хочется, чтобы он приехал побыстрее. Я же его дочь, единственная. Неужели какая-то женщина ему дороже, чем я?

Сейчас в школе уже закончился первый урок. А я все дома. Не могу заставить себя куда-то идти, кого-то видеть, что-то слушать. Что они все могут понять? Противно смотреть, как делают вид, что сочувствуют, и тут же гогочут о чем-то несуразном, обсуждают проблемы, не стоящие выеденного яйца.

Пошла на кухню. Аппетита нет. От одного вида еды желудок наизнанку выворачивается. Налила водки в стакан. Поднесла ко рту. Резкий запах ударил в нос. Поморщилась и поставила стакан на место. Никогда не пробовала спиртного. Какой-же у него противный запах.

– Полина, ты где? – услышала приглушенный стенами голос бабушки.

«Проснулась», – пронеслось в голове. Честно говоря, теплых чувств я к ней не испытывала. Да что там лукавить, вообще никаких. По сути, чужой мне человек. У нее есть дочь с зятем, два внука. Она их любит. А я внучка, как оторванный ломоть. Она с нами практически не общалась. Ну и жила бы себе там, докормили бы родственнички и похоронили

на ее малой родине.

Папа говорил, какая она заботливая, как соскучилась по мне. Может, действительно так. Но мне с трудом верится, что бабушка с радостью сюда ехала. Я думаю, что отец ее уговорил, потому что я хоть и совершеннолетняя, но одну оставлять боязно, а сам укатил подальше в рейс. Оставил деньги, будто откупился. Неужели бабло для него важнее, чем я? Бросил бы на время свой долбаный Камаз, устроился на работу. Таковую, чтоб без командировок. Хоть бы на время.

Мысли пронеслись в голове со скоростью кометы. И такая злость на меня накатила, что я схватила стакан и опрокинула в рот. Дыхание сперло, слезы брызнули из глаз, закашлялась. Ну ничего-себе...

– Полина, – бабушка вошла на кухню. – Ты что, плачешь?

Я стою, не могу вымолвить ни слова. Одной рукой рот прикрыла, другой машу, дескать, все нормально. А слезы так и текут. Прижалась лицом к ее плечу. Будто действительно к близкому человеку. Она положила шершавую руку мне на голову и нежно погладила. И тут я впрямь разревелась, так что и не остановить. Взахлеб... Не помню, сколько времени мы стояли. В конце концов я успокоилась. Стало немного стыдно, что я восприняла ее приезд холодно. Ведь действительно родной человек. Бабушка. Может, не ее вина, что мы мало виделись и общались. Что я понимаю во взрослых играх?

Какая сложная штука жизнь... А смерть? Что я знаю

о смерти? Только недавно поняла, что они ходят рядом, плечом к плечу. Еще недавно мама была жива. Смерть пришла внезапно, глупо. Немного не дошла до дома. Какой-то подонк сбил ее на полном ходу и скрылся. Когда «скорая» увозила, ее сердце еще билось. Умерла через несколько часов, не приходя в сознание. Меня как будто по голове кто-то поленом стукнул. Жизнь разделилась на до- и после. Кажется, я становлюсь другим человеком. Каким? Не знаю...

– Ба, садись кушать, – я взяла чайник, включила воду и стала наполнять его.

– Да, конечно – бабушка открыла холодильник и стала накрывать на стол. Я поставила чайник на плиту и присела.

Голова кружилась от выпитого. Позавтракали молча. Меня разморило. Пойду спать.

19 апреля

Привыкаю к бабушке. Она уговорила меня пойти в школу. Сажу за партой сама. Ни на кого не обращаю внимания. Светка провожает меня домой. Днем хоть как-то отвлекаюсь, а вечером совсем тоска берет. Ночью плачу. Скучаю по маме.

23 апреля

У меня радость. Спешу поделиться. Кажется, я влюбилась. С Олегом мы познакомились в магазине. Я выбирала продукты и не заметила, как столкнулась с ним плечом к плечу. Он извинился. Завязался разговор. Олег высокий, темно-волосый, симпатичный. Провожал меня домой. С ним легко общаться. Не заметила, как добрались до дома. Стояли до темноты возле двора. Бабушка выходила раза два, звала домой. Да куда там! Я стояла, словно примагниченная к Олегу. Наверное, так бы и простояли до утра... Олег на прощание поцеловал меня в губы. Я и раньше целовалась, но от его прикосновения у меня закружилась голова, и легкая дрожь прокатилась по телу. Наверное, он это почувствовал, и мне стало стыдно.

Зашла в дом. На кухне сидела бабушка. Она дремала, склонив голову. Услышав стук двери, она привстала:

– Проходи, поешь, я обед приготовила.

– Ба, так уже ужинать надо, да и то поздно, – сказала я.

– Ага, – согласилась она, – снова присела на стул, склонив голову.

Интересная бабушка. Не кричит, не ругается, что я целый день простояла на улице с Олегом. Все время находится у себя в комнате, а там даже телевизора нет. О чем она думает, с какими мыслями живет?

Вот, думаю, был бы папа дома, я и минуты не простояла с Олегом возле дома. Да я, наверное, за квартал от дома с ним попрощалась, лишь бы папа его не увидел.

24 апреля

Вчера, когда выходили из школы, Олег ждал меня. Я подошла к нему. Мы обнялись. Помимо радости от встречи, мне было лестно, что одноклассницы видят меня с таким парнем. Олег старше меня, говорит, что учится в универе на третьем курсе юридического факультета. Чувствуется, что образованный. Такие истории интересные рассказывает. Нашим пацанам далеко до него. Ведут себя, как дети, а пытаются строить из себя крутых. Иногда смешно становится.

Возле дома долго целовались, не обращая внимания на прохожих. Как я изменилась. Мама меня учила не показывать свои чувства перед людьми. Да раньше я бы никогда так не сделала. Но мамы нет. Меня мучает совесть. Прости меня, мамочка...

29 апреля

Долго не писала. А так много всего произошло. Пытаюсь осмыслить происходящее. Недавно пригласила Олега домой. Мы обедали вместе с бабушкой. Затем остались одни в моей комнате. Олег достал сигареты и попросил разрешения закурить. Я, конечно, согласилась. Да я ради него готова была бежать хоть в вечную мерзлоту, Антарктиду, хоть в открытый космос. Олег открыл форточку, закурил. Дым заполнил часть комнаты и, как джинн из бутылки, спешно вытекал в окно. Мы сидели, расслабленные, слушали музыку. Диск принес Олег. Не попсу, не рок, а какую-то электронную, космическую. Группа так и называется «Space». Время будто остановилось. Даже вздрогнула от неожиданности, когда Олег предложил мне сигарету. Я рефлекторно взяла ее между пальцев.

...Прозрение о случившемся пришло утром, когда проснувшись, я увидела, что рядом со мной спит Олег. В голове шумело, и я с трудом пыталась вспомнить вчерашнее.

После того, как взяла сигарету, затаилась, голова закружилась. Я завалилась на кровать. Как сквозь туман текла музыка, голос Олега ласкал слух откуда-то снаружи и приятно проникал внутрь. Догадалась, что сигарета была с «сюрпризом». Но думать об этом не хотелось...

Я подскочила, когда в голову снарядом врезалось то, что

произошло вчера. Посмотрела на простынь – да, это все было, это не сон. Красные следы говорили сами за себя. Я лишилась девственности.

Олег открыл глаза:

– Полинка, ты чего?

От неожиданности я на несколько секунд потеряла дар речи. Когда мозг гоночной машиной тронулся с места, мне стало стыдно, я произнесла:

– Сон страшный приснился.

– Иди ко мне, дорогая, – Олег обнял меня, и я потихоньку стала успокаиваться. Мне было приятно в объятиях Олега. Так бы и лежала, не вставая. Понежившись в постели, мы позвали бабушку и позавтракали. Затем вышли на улицу прогуляться.

– Олег, тебе на пары надо идти, – сказала я.

– Мне не надо, потом подучу и все сдам.

– Тогда я тоже прогуляю.

Мы гуляли, обнимались, пока желудки не потребовали пищи. Опять повторилось вчерашнее. Мы позвали бабушку, пообедали и разошлись по комнатам. Курили, слушали музыку, любили друг друга. Дни летели чередой. Выходные, майские праздники, школа, подготовка к экзаменам – все это отошло на второй план. Мы даже не вспоминали об этом. Пришла в себя я только тогда, когда Олег сказал, что ему надо уехать на несколько дней.

6 мая

Сегодня я проснулась от знакомого до боли шума. Его я не перепутаю ни с чем – гул папиного Камаза. Вскочила, накинула халат и выбежала на улицу. Скрип тормозов – и я уже у папы на шее. Вцепилась в него, кололась об его небритую щетину. Слезы радости стекали по щекам. Как же я по нему соскучилась. Радость была недолгой. Побыв с нами день, переночевав, он утром дал мне деньги и уехал. То ли в рейс, то ли к своей возлюбленной.

К грусти расставания добавились неприятные ощущения. Меня тошнило, болела голова. К вечеру стало совсем плохо. Я поняла, что начинается ломка. Я ждала Олега как никогда никого другого. Я его любила. Его – и его сигареты.

7 мая

Бессонная ужасная ночь наконец закончилась. Смотрела в окно. Иногда мне слышались звуки его шагов, я оборачивалась – пустота. Смотрела в окно, и каждый прохожий казался Олегом. Но его все не было. Наконец я задремала. Проснулась от звука шагов. Открыла глаза – на пороге стоял Олег. Я бросилась ему на шею. Но он отстранился от меня.

– Олег, ты чего? – закричала я.

– Подожди. Я не один. Познакомься с моим другом. Зовут Кочаном.

В комнату зашел мужчина. Он мне сразу не понравился. Коренастый, лысый – от него веяло каким-то непонятным ужасом.

Они присели на кровать. Я взяла Олега за руку и попросила выйти поговорить наедине. Хотела спросить, что происходит, почему он пришел не один, кто такой этот мужик. Но он перехватил мою руку и посадил себе на колени.

– Говори здесь, у меня от Кочана секретов нет.

– Олег, любимый, ты что, соскучилась, думала, ты сам ко мне придешь, – я прижалась к нему и обняла.

– Я же пришел.

– Да, милый, ты пришел ко мне, а твой друг пришел в гости, а гости когда-то уходят. Он уйдет, да? А ты останешься со мной? Навсегда останешься, да? Я не могу без тебя, –

у меня началась истерика, я несла какую-то чушь, но ничего не могла с собой поделать.

– Тихо! Возьми себя в руки, – грубо перебил Олег.

Сегодня он в первый раз нагрубил мне. Так неожиданно. Больно. Я зарыдала.

Они молча сидели, пока я перестала плакать, только всхлипывала.

– Успокоилась? Вот и хорошо. А теперь слушай меня. Ты ведешь себя как истеричная баба. Сейчас мы уйдем, а завтра я приду. Сам или с Кочаном, не знаю, как получится. А ты не будешь закатывать истерик. Хорошо?

– Да.

Я понимала, что с Олегом что-то происходит, и я ни в чем не виновата. Он зашел в мой дом с каким-то ублюдком, как хозяин, да еще меня в чем-то обвиняет. Олега будто подменили. Я его не узнавала. Будто раньше под овечьей шкурой скрывался волк. Наверняка у него что-то случилось. Он зависит от этого Кочана и боится его? Возможно, завтра выяснится. Но как дожить до утра, если на душе не то что кошки скребут, а огромные тигры рвут ее на части?

– Оставь сигарету, – обратилась я к Олегу.

– У меня нет. Спроси у Кочана.

– Дайте, пожалуйста, сигарету, – повернулась я к Кочану.

– Девочка, обращай ко мне на «ты», я не такой старый, как может, тебе показалось, – сказал он.

– Хорошо. Меня зовут Полиной, а тебя? – спросила, что-

бы как-то сгладить конфликт. Да и неудобно называть его Кочаном. Какое-то неприятное погоняло.

– Как тебя зовут, я знаю, а меня называй Кочан.

– Хорошо, Кочан, дай сигарету.

– Молодец. Быстро учишься. Но сигареты я сегодня забыл дома.

Возникла длительная пауза. Я понимала, что он издевается надо мной. Если бы это происходило раньше, я бы их выгнала. Если бы не ушли, открыла форточку и звала на помощь или выскочила из дома. А с несчастной любовью справилась бы, переплакала, перестрадала, и все. А сейчас во мне что-то надломилось. Всей душой желала, чтобы они ушли, но неземной страх остаться одной овладел мной. Тишину и в то же время душевные терзания нарушил Кочан.

– Сигареты у меня нет, но есть кое-что получше. – Он достал из кармана одноразовый шприц, резинку и положил на стол.

Снова в воздухе повисла тишина.

– Я не умею, – проговорила я.

– Ты справишься. Я тебе подробно все объясню. И покажу. В картинках, – Кочан прищурил правый глаз.

Глава 2

8 мая

Вчера они ушли. Сколько терзаний я перенесла. Боль в каждой клеточке тела. Невыносимая. Но это капля в море по сравнению с душевными страданиями... Шприц на столе. Только протяни руку, и закончатся мучения. Выходила на улицу, буквально выползала. Погода была, несмотря на месяц май, холодная. Я тряслась от холода и ломки. Пришлось зайти в дом. Здесь тепло. И шприц на столе. Я последовательно выполнила инструкции ублюдка. Не попала в вену. Небольшой синяк. Снова попробовала. Мутная ядовитая жидкость ручьем потекла по вене, заполнила правый желудочек. Сердце ёкнуло, когда он сжался, наполняя легкие темной кровью. Толчок – и обогащенная кислородом и ядом кровь из аорты понесла заполнять капилляры тела. И вот я снова живой человек. Надолго ли?

Позвала бабушку обедать. Целый день просидела на террасе. Ночью спала плохо.

Сегодня я снова живой труп. Искорка надежды, что придет Олег, мы с ним вместе преодолеем эту беду, и будет все хорошо. О другом думать даже боялась.

Стук в дверь. Сердце замерло. Олег? Никто не заходит.

Снова стук. Я побежала к входной двери. На пороге стоял Кочан.

– Разреши войти? – спросил он.

– Заходи, – сказала я на выдохе. Столько боли было вложено в это слово.

Мы прошли в комнату.

– Где Олег? – спросила я.

– Олега больше нет.

– Что с ним? – я схватила его за ворот рубашки и начала трясти.

– Для тебя его больше нет, – с ударением на каждом слове сказал Кочан и толкнул меня. Я отлетела к стенке, больно ударилась головой и сползла на пол.

– А теперь слушай меня. Та дурь, что вы с Олегом употребляли, качественная. Чувствуешь, какая у тебя ломка? Она дорого стоит. Тебе расплачиваться и за него, и за себя. Ментам и отцу ничего не говори, если хочешь увидеть его живым. Вчерашняя доза – это презент. За следующую будешь платить. Я знаю, что у вас есть деньги, украшения. Неси сюда, будем оценивать.

Я залезла в шкаф, достала коробку с драгоценностями. Поставила на стол. Кочан перевернул коробку, вытряс украшения и начал пересматривать. У меня замирало сердце. Каждая вещь была подарена папой маме или мне. И все это уйдет какому-то отморозку. Он сложил все обратно в коробку.

– Теперь носи деньги. Все, – сказал он.

Я принесла всё, что оставлял папа. Кочан пересчитал.

– Хорошо, считай, ты расплатилась за себя и Олега. Я с тобой не прощаюсь, – он повернулся и пошел к выходу.

– Постой, Кочан, а дозу? – выкрикнула я.

– Я же сказал, что за нее надо платить. Что ты можешь предложить?

– Я не знаю...

– А я знаю, что ты хочешь предложить. Но это не ко мне. Это – на панель. Но я тебе этого не советую. У тебя еще будет возможность получать то, что тебе надо. Береги папу. Все, я пошел.

– Кочан, миленький, дай дозу, – я стала на колени, обхватила его руками.

Он остановился.

– Ну, пожалуйста...

– Я же тебя предупреждал, – Кочан ногой резко ударил в грудь. Бросил шприц мне под ноги и ушел.

Не знаю, что со мной произошло. Еще недавно я была человеком. А теперь за дозу я готова лизать ему ноги как собака. Лишь бы на время стало легче. И мне не стыдно. Куда делась девичья честь, и какой толчок мне нужен, чтобы вернуть все назад?

8 июня

Прошел месяц, столько всего произошло. Я изменилась. Как будто не тридцать дней, а столько же лет пролетело и мне сейчас не восемнадцать, а сорок шесть. Или пятьдесят шесть. Физически и морально я состарилась. По крайней мере, так кажется. Мудрее ли стала? Не знаю. Хочется думать, что так. Писать не было сил, но главное – не хотелось. Недавно произошло событие – жизнь преподнесла сюрприз. Напишу все по порядку. Мысли так и просятся перенестись из головы на бумагу.

По числам писать не буду, потому что не помню. Какая-то чередка полусна-полуяви. Пыталась анализировать события, произошедшие после внезапной перемены поведения Олега и появление Кочана. Кто Олег – ловелас, прожигающий жизнь за счет таких дурочек как я, или у них спланированная схема заманивания в сети дурмана? Верила и до сих пор считаю, что любовь с Олегом у нас была взаимная и во всем виноват Кочан. Он страшный человек, и вообще, человек ли? Мне кажется, это воплощение дьявола на земле.

Большую часть времени проводила на террасе или на окне, ожидая Олега. Но вместо него приходил Кочан. Как же я его ненавижу. Недавно мне объяснили, что многие даже с одной дозы героина садятся на иглу. Наверное, я одна из них. Негодяй этим воспользовался. А сейчас думаю, что он при-

носит какую-то дрянь дешевую, потому что облегчение приходит ненадолго, а страдаю я постоянно.

Боюсь смотреться в зеркало. Не узнаю себя. Не девушка, а какая-то больная женщина. Худая, но не стройная. Кожа дряблая. Нет, не как у старухи, но все же. Что делать дальше?

На днях приходила Светлана Григорьевна, классный руководитель. Стояла под воротами, звала меня. Зайти не решилась, наверное побоялась собаки. У нас обычная дворняга Шарик, сидит на цепи в дальнем углу двора. Гавкает когда взбредет. В этот раз желание полаять у него было отменное. Выйти к учительнице я постеснялась. Сердце бешено колотилось, так соскучилась, несмотря на то, что отношения с ней были не очень хорошие. Дорогая Светлана Григорьевна, ты пришла! Слезы катились ручьем. До дрожи хотелось выскочить, прижаться к ней. Знала, что не выйду. Как покажусь ей такая? Внутренняя борьба была невыносимой. Кусала губы до крови. Заметила это, только когда она ушла. Почувствовала боль. Вытерла ладошками лицо. Посмотрела – с них капала слегка красноватая жидкость. Видимо, слезы смешались с кровью из искусанных губ. Пошла к умывальнику.

Дрожь постепенно проходила и в то же время накатывалась злость. Не знаю почему, но радость от прихода учительницы сменялась ненавистью. На нее, себя, на весь мир. Приходила она, ну и что – это ее работа. А на меня как на человека ей наплевать. Всем до меня нет дела. Никому я не нуж-

на...

С бабушкой мы так и не сблизились. Она плохо слышит, забывает, постоянно в комнате пропадает.

Шарик для меня стал близким другом. Только дверь открою, он уже выскакивает из будки и приветствует лаем. Подойду к нему, поглажу, расскажу о судьбе своей нелегкой. А он будто понимает. Смотрит грустным взглядом. Когда есть силы – отвязываю его, бегаем друг за другом, дурачимся. Общение с Шариком, наверное, самые светлые куски моей текущей жизни. А она темная, как рассвет поздней осенью, когда уже что-то видно, но небо пасмурное и льет дождь, бьются брызги о стекло, будто слезы.

Когда приходит Кочан, наступает беспросветная тьма. Он вынес практически все из дома. Даже шикарные шторы унес. Завесил окна газетами, побрызгал белой краской на стекла, наверное, чтобы снаружи можно было подумать, что ремонт идет. Из кухни все вынес, оставил несколько тарелок, сковородку да старые кастрюли. Мебель вывозил ночью. Грузовик заезжал во двор и какие-то мужики грузили товар в кузов. Наконец, остались голые стены, которые Кочан из баллончика с бурой краской нанес странные узоры.

Не заходил только к бабушке. За это ему благодарна. Она ведь не при чем. Объясняла ей происходящее как могла. Не знаю, верила ли она мне. Смотрела грустным взглядом и уходила в комнату.

Потом за дозу он вынес последнее – мою кровать. Бросил

на пол тряпки. Старое одеяло, рваное покрывало, застиранные простыни. Спи, говорит, на этом, заслужила. Было очень обидно. Зачем он меня унижает?

На следующий день, как обычно, появился Кочан.

– Чем сегодня расплачиваться будешь?

– Не знаю, – ответила я.

– Тогда я ухожу, – сказал он.

– Дозу дай.

– Я не шалава, чтобы давать. Ха, ха, ха, – неприятно то ли засмеялся, то ли ухмыльнулся он. Я продавец. Торгую дурью.

– Что мне теперь делать?

– Ну, вот ты и докатилась, что продать нечего. Если только себя. Кому ты сейчас нужна? Выглядишь хуже «плечевой» проститутки. Хорошо, давай попробуем, может в деле ты ничего. Пошли.

– Проходи, я в туалет схожу.

Вся ненависть накопилась во мне и сжалась пружиной, которую я еле сдерживала, чтобы не дать ей разжаться, сметая все на своем пути. Проходя мимо, зашла на кухню, взяла нож в правую руку. Я вцепилась в него так крепко, что, кажется, никакая сила не могла разжать ладонь. Опустила руку с ножом в карман.

В комнате возле окна спиной ко мне стоял Кочан. Услышав шаги, обернулся.

– Показывай товар, – усмехнулся он.

Я распахнула халат, оголяя грудь. Глаза его заблестели.

– Трусики снимай.

– Нет.

– Стесняешься?

– Да, – солгала я. На самом деле у меня не было и тени смущения. Мысли заняты тем, как бы подонок не догадался о ноже.

– Хорошо, я сам, – он опрокинул меня на одеяло. Но не грубо, почти нежно. Неужели вид моего тела его возбуждал?

Он стянул трусики. Руки его мелко дрожали. Приспустил брюки и повалился на меня. Попытался раздвинуть мне ноги. Не получилось. Я их крепко переплела. Левой рукой обняла Кочана за шею и впилась в его губы горячим поцелуем. Он расслабился. В глазах у меня потемнело от ненависти. Я вытащила правую руку и со всей силы ударила его ножом. Метила в спину, но удар пришелся в плечо.

– Ты что, сука, – вскочил Кочан. Рукав тут же пропиталась кровью. – Какого хрена лежишь, помоги рубашку стянуть.

Я рванула ее за ворот обеими в разные стороны. Пуговицы вереницей посыпались на пол. Разорвала рукав. Темная кровь стекала по его телу и на полу стала образоваться лужица.

– Вену, что-ли повредила. Посмотри, – сказал Кочан.

– Не знаю, – осмотрев порез, сказала я. – Может, сбегать к соседям, чтобы скорую вызвали?

– Ты что, дура? Скорая ментам сдаст. Сложи рубашку

в несколько слоев и затяни рану покрепче.

Он оперся о стену, я завязала ему рану. Кочан и достал сотовый телефон с торчащей из него, как маленький су-чок из дерева, антенной (в середине 90-х связь стоила до-рого и была редкостью, олицетворением богатства и крутиз-ны – прим. авт.). Кое-как набрал номер, что-то пробормотал в трубку. Вскоре сполз по стенке на пол. Лицо его было бе-лое, как стена. Я стояла, как оглушенная. Из ступора меня вывел скрип тормозов у двора. Вошли два парня, взяли Ко-чана под руки и выволокли из дома. Из окна я увидела отъ-езжающий джип.

К вечеру мне стало плохо. Крутилась на полу всю ночь.

В последующие дни никто не приходил. Что с Кочаном, не хотелось и думать. Я была рада, что он или его дружки не появляются. Решила, если не умру от ломки, то брошу колоться и начну заново жить. Конечно, к экзаменам меня не допустят, придется учиться в выпускном классе еще год. Почему я раньше не понимала, как хорошо ходить на за-нятия, общаться, гулять, любить. Раньше обижалась из-за каждой мелочи, раздражалась, нервничала. Жизнь протека-ла как бы стороной. Сейчас все это кажется раем. Хочу вер-нуться назад, в прежнюю жизнь. Хотя бы ползком, сдирая кожу до мяса, ломая ногти, продвигаясь по сантиметру, спле-вывая сгустки крови вперемешку с землей.

Нужно выжить. Несмотря ни на что. Сердце нестерпи-мо болит. Колотится молотом, будто хочет разорвать грудь.

Внутренности выворачивает. Кажется, что каждая клетка тела пытается разорваться. Сильно хочется пить.

Ночью началась рвота. Вскоре замучила жажда. Кое-как доползла до кухни. Нашла банку, набрала воды. Тут же меня стошнило. Не помню, сколько прошло времени, пока я не догадалась пить маленькими глотками или просто смачивать губы. Не заметила, как впала в забытие.

...Я ходила по полю, собирала одуванчики. Присела, сплела из них, как в детстве, венок. Поднявшись, увидела маму. Надела ей на голову венок, дальше пошли вместе. За нами увязался Шарик, радостно виляя хвостом. Долго шли молча. Стало темнеть. Впереди появилась ветряная мельница. Обдуваемая ветерком, она махала руками-крыльями, будто приглашая войти. Я остановилась, а мама продолжала идти. Открыв скрипучую дверь, она зашла в башню. Шарик заскулил и побежал прочь. Ветер подул со страшной силой, едва не сбив меня с ног. Крылья мельницы набирали бешеные обороты. Стало страшно.

Вдруг из отверстий башни потекла красная жидкость.

– Мама, мама, – закричала я и побежала к мельнице.

Дверь не открывалась. А жидкость подтекала уже до самой земли. И тут мелькнула ужасная мысль – это кровь.

– Мама, что же ты наделала? – кричала я.

Кровь, капая на землю, превращалась в красные фишки. Я хватала их и засовывала в карманы... Откуда-то послышалась музыка. Обернувшись, увидела сияющее разноцветны-

ми огнями здание казино. Ноги будто сами повели меня в ту сторону. Вошла. Возле игровых столов толпились люди. Я подошла к рулетке, которая медленно крутилась.

– Девушка, вы ставить будете? – спросил крупье.

– Что? – не поняла я.

– Фишки. У вас в руках.

– А, да, – промолвила я. Увидела, что держу их в руках, положила на стол. Достала и те, что были в карманах.

– На что ставите?

– Не знаю.

– Ставь на zero, – противно прокаркала в ухо какая-то старуха.

– На zero, – послушно сказала я.

– Ставки приняты, ставок больше нет, – объявил крупье.

Стрелка замедляет ход. Оборот. Кажется, останавливается возле нуля. Какое там, проехала, делает еще круг. Замирает возле zero и... перемещается на одно деление.

– Вы проиграли, – крупье сгребает к себе фишки.

– Нет! Нет!

...С криком подскочила и разрыдалась. Плакала долго. Когда слезы высохли, стала всхлипывать. Как ни странно, но становилось легче. Я осмотрелась. Какой кошмар в доме! Встала и пошла дрожащими ногами на кухню (хотя ночью могла передвигаться только на четвереньках). Наполнила ведро водой, взяла тряпку и начала смывать с пола бурые пятна засохшей рвоты и крови. Это оказалось не так-то про-

сто. Как только участок пола высыхал, на нем проявлялись разводы. Сил хватило на половину комнаты. Пот стекал ручьем. Я свалилась на импровизированную постель из грязного белья. Боже, как оно воняет. Нужно все перестирать. Хотя вначале надо себя привести в порядок.

Отдохнув, поплелась в ванную. Чудотворные струи воды казалось, смывали грязь не только с тела, но и с души. Не знаю, сколько стояла. Время остановилось. Вечность — когда время никогда не заканчивается? Если это так, то хотелось бы находиться в таком нереально благодатном состоянии, что невозможно описать. Заслужила ли я его? Столько нагрешила за месяц. Если бы не смерть мамы. Нет, это не оправдание.

С другой стороны, за что мне такая участь? Совсем запуталась в мыслях. Сейчас бы в церковь, свечи поставить. Хорошо, что крещенная. Не помню, как проходило таинство. Малюткой была. Но крестик есть. Точнее, был. Кочан сорвал его вместе с серебряной цепочкой. Господи, прости меня, грешную. И накажи его. Мама говорила, что нельзя желать зла ближнему, нужно всех прощать и даже любить. Как можно любить таких, даже не нахожу слов для описания, людей? Не понимаю. Простить, наверное, можно, но любить... Спросить бы сейчас маму. Она, наверное, подсказала.

Мне захотелось есть. Кажется, стала приходить в себя. Нашла старую одежду. Джинсы, рубашку. Остальную Кочан вынес. И мою, и родительскую. Какая красивая песцовая шубка

была. И пальто демисезонное. И платья.

Ладно, что горевать. Все в моих руках. Жизнь продолжается. Или начинается. Ощущение, будто заново рождаюсь. Выползаю из мерзкого липкого кокона, сплетенного каким-то чудовищем. Из головы не выходит кошмарный сон. Будто монстра послали мне из выдуманного кем-то неземного мира.

15 июня

За неделю убрала дом. Запахло свежестью. Да и я стала лучше чувствовать. Решилась выйти за калитку. Прохожие внимания не обращают. Поздоровавшись, прошла мимо соседка тетя Вера. Интересно, она ни о чем не догадывается, или в своем кругу обсуждает меня, нашу семью, строит предположения, делится ими с подругами? Наблюдает со стороны, как в детективном фильме. Так спокойнее. Наверняка видели меня с Олегом. Замечательный повод для сплетен: «Какая хорошая девочка была. Примерная. Это мама ее держала в узде. А в душе она шалава. Только свободу почувствовала – и на тебе – показала себя во всей красе».

Прошла по улице. Закружилась голова. Пришлось вернуться. До чего я себя довела. Нужно делать ежедневные прогулки. Сначала во дворе. Вечером, когда стемнеет, чтоб меньше кто видел, выходить на улицу, привыкать к пространству. Хочется проведать Маринку, узнать, что в школе происходит. Вдруг к экзаменам допустят, не придется еще год учиться. Как только легче станет, схожу.

Глава 3

16 июня

Вчера не выдержала. Как стемнело, пошла к Маринке. Добиралась с небольшими передышками. Свежий ночной ветерок кружил голову. Такое ощущение, будто год сидела взаперти в вонючей камере со спертым воздухом. А сейчас словно крылья появились.

Маринка включила свет во дворе и подошла к калитке. Я кинулась к ней на шею. Уткнулась в плечо. Предательские слезы, капавшие из моих глаз, орошали ее халат. Она стояла как столб. Не обняла, но и не оттолкнула. Маринка на год младше, хоть и учимся в одном классе. Да что говорить, все одноклассники младше меня. Сколько насмешек натерпелась из-за разницы в возрасте. Мы не были подругами. Так, общались по-соседски.

Я понимала, что выгляжу нелепо. Кто я для нее? Думаю, слухи обо мне ходили и по школе, и на улице. Но правду никто не знал.

Маринка молчала. Нужно было заговорить мне. Не получалось. В горле, словно ком застрял. Скажи она что-нибудь, мне стало бы легче. Я никак не ожидала такой холодной реакции. Наверное, из-за этого не могла успокоиться.

Сделала шаг назад. Наши глаза встретились. В полутьме показалось, что они у нее светятся, как у кошки.

– Привет, – наконец, выдавила я из себя.

– Что ты такая замученная, – не отвечая на приветствие, холодно сказала Марина. Не спросила, произнесла как факт.

– Болею, – ответила первое, что пришло в голову.

– Чем?

– Не знаю... Маму недавно похоронили...

– А, депрессняк. Ну, заходи. Посидим, выпьем, что-нибудь.

– Хорошо.

Зашли в беседку. Негромко играла музыка. В полутьме не сразу заметила двух парней.

– Знакомьтесь, – сказала Маринка, – Игорь и Андрей. А это Полинка. И тут же запрыгнула одному на колени и обняла за шею.

Кто из них Андрей, а кто Игорь, я не поняла. Присела.

– Андрюша, наливай, – капризно проголосила Маринка.

– Стакана для гостыи нет. Принесешь?

– Уу, – мурлыкнула та, лизнула щеку парню и лениво, слегка пошатываясь, вышла из беседки...

– Игорь вчера из армейки вернулся, – сказал Маринкин парень. – Вот мы тихо, считай, по-семейному отмечаем.

– Да, – подтвердил Игорь. – С Андрюхой вместе в школу ходили. Только он ботан. На юрфаке учится.

– Сам такой, – Андрей взял из вазочки черешню и кинул

в Игоря.

Послышался глухой звук удара ягоды о лоб.

– Слышишь, пустая голова у меня. Если раньше и были мозги, то теперь, похоже, одни опилки остались. А ты ботан.

– В голове моей опилки – не беда, – процитировал строку из Винни-пуха Андрей, пытаясь реабилитироваться за ботана, – так, что-ли?

– Ну, ты совсем гранит науки изгрыз. Зубы, наверное, как у бобра. Ты их точишь, а они отрастают. Отдохнуть тебе надо, парень. – ответил Игорь. – Не беда не потому, что в голове опилки.

– А почему?

– Если я чешу в затылке, – произнес Игорь.

– Не понял.

– Ну, если я чешу в затылке – не беда.

– Почему?

– Потому, – явно издевался Игорь. Почесал затылок. – Если я его чешу, это разве беда?

– Нет. А когда?

– Я не знаю, на этот вопрос у каждого свой ответ. Причем не каждый может его четко и ясно сформулировать. К тому же у каждого свой порог этого чувства. У кого-то он повышен, у кого-то понижен. Как для меня, так он меняется в зависимости от обстоятельств.

– Каких же?

– В универ не поступил, думал, все, жопа, в армию загре-

бут. Дедовщина и все такое. Оказалось не так уж и страшно. Учебка, тяжело, конечно, но не беда. А когда через полгода на самолет посадили и через несколько часов в горах оказался, думаешь, что?

– Что?

– Ничего. Нормально. Романтика. Наконец-то из надоевшей учебки выбрался. Закончились строевая, марш-броски, противогазы. Да что греха таить, поначалу и унитаза... А когда после боя в вертолет двухсотых ложили, понял, что...

Повисла долгая пауза. Глухую тишину разрывал стрекот сверчков.

– Почему ты не рассказывал, где служил? – прервал паузу Андрей.

– Тяжело потому что. Сейчас хмель в голове, вот и провало. Кстати, насчет песенки Винни Пуха. Если я чешу в затылке – не беда. В голове моей опилки – да, да, да.

– Но кричалки и вопилки, – слышался веселый голос Маринки. Она вошла в беседку, услышав только конец разговора.

– Сочиняю я неплохо иногда, – тут же продолжил Игорь, сменив свой только что грустный тон на веселый.

– Да, – подытожил Андрей.

– Нет, – сказал Игорь.

– Что нет? – не понял Андрей.

– Ничего. Забей. – Ответил Игорь.

– Мальчики, вот стакан, – вклинилась в разговор Марин-

ка. Переклонилась через стол и поставила со стуком емкость возле меня.

Игорь разлил спиртное.

– Выпьем за прекрасную гостью, – сказал он.

Послышался звон стаканов. Помня первый опыт, я не стала опрокидывать содержимое внутрь. Поднесла ко рту. Запах приятный. Не водка. Или коньяк, или вино. Сделала маленький глоток. Жидкость, приятная на вкус, слегка обожгла горло.

– Давай, до дна, – прервала мысли Маринка.

Небольшими глотками я допила содержимое. Только опустила руку на стол, Игорь тут же снова наполнил стаканы.

– Выпьем за тех, кто не вернулся, – сказал он. Не чокаясь.

– За маму тоже, – вырвалось у меня.

– Что с ней? – спросил Игорь.

– Погибла недавно, – сказала я.

– Сочувствую, – скорбно сказал он. – Как случилось?

– На машине сбили.

Выпили молча. В этот раз я большими глотками осушила стакан. Ничего не почувствовала. Не было опьянения, хотя желудок был пустой.

Игорь достал папиросу.

– Ну что, оттянемся по полной, – сказал он. Чиркнул зажигалкой. Затянулся. Задержав дыхание, выпустил изо рта кольца дыма.

Я почувствовала знакомый запах шмали. Меня всю пере-

дернуло. Голова приятно закружилась. Не помню, как папироса оказалась в руке. Судорожно глотала едкий дым.

– Хватит, хватит, – сквозь туман расслышала голос Игоря. Папироса ужом переползла в руку Игоря.

В голове возник образ Олега. Его тело, лицо, такие дорогие мне. Я шла к нему. Он отдалялся. Не отходил, а медленно кружил из стороны в сторону, как осенний лист летит с верхушки дерева, постепенно касаясь земли, и вновь ветерок поднимает его, и он снова начинает свой медленный непревзойденный вальс.

Если я приближалась, Олег делал плавный выпад в сторону или назад. «Олежка, милый, постой» – проносилось в голове. Но он молчал, продолжал вальсировать, будто дразнил меня. В один момент показалось, что приблизилась настолько близко, что смогу схватить его за волосы или одежду. Протянула руку. Она прошла сквозь него, словно в сгусток тумана. Олег сразу же стал увеличиваться. Вот он уже размером с водонапорную башню. Я подняла голову и посмотрела на лицо, которое становилось все больше и больше. Его уже не разглядеть. Только отдельные черты. Губы, нос великана. Наконец, подняв взгляд, я увидела глаза. Такие огромные, как два озера. Я раздвоилась и нырнула в них...

– Что с тобой? – Маринка трясла меня за плечо.

– А... Что... Нет, все нормально.

– Ты не пугай нас, – сказала она. – Что, первый раз курнула?

– Да, – только это смогла я ответить.

Не знаю, что со мной произошло, но стало легче. Голова стала ясной. Спазмы в животе прошли, нестерпимо захотелось есть.

– Можно я колбаски возьму? – спросила я.

– Бери что хочешь, – сказала Маринка.

Я взяла вилку, наколола пару кружочков колбасы. Пока подносила ко рту, они свалились с кончиков и упали на стол. Я замешкалась.

– Что ты, в самом деле, – сказал Игорь и подвинул ко мне тарелку с колбасой, блюдец с сыром и положил несколько кусочков хлеба. – Да, еще, – он взял жменю конфет из вазы и насыпал передо мной.

– Ешь, не стесняйся, – сказала Маринка.

Я набросилась на еду, уплетала без тени смущения.

– Слышь, Марин, у тебя дома есть еще что-нибудь пожрать? – Спросил Игорь.

– Наверное, в холодильнике что-то есть. Борщ должен быть.

– О, неси. Я домашнего борща, считай два года не ел.

– Подогреть?

– Он на каком мясе сварен?

– Из гусика.

– Гусика? Класс. Можешь не заморачиваться. Тащи кастрюлю. У птицы жир легкоплавкий.

Вчетвером ели борщ. Наливали несколько раз, пока ка-

стриюля не опустела.

– Хорошо, – откинулся на спинку лавочки Игорь.

– Чем дальше заниматься думаешь? – спросил Андрей.

– Наслаждаться жизнью, – ответил Игорь.

– Это понятно. Отдохнешь, а дальше?

– Не знаю.

– Планы какие-то есть? Поступать думаешь куда-нибудь?

– Мечты, мечты. Много чего хочется. Чтобы выучиться, бабки нужны нехилые. А потом, что образование сейчас дает? Работать за копейки. В бизнес нужно идти.

– Это не каждому дано. Вообще, как лотерея. Знаешь, сколько людей вложились, а потом без жилья остались, и в долгах.

– Ну вот ты юрист, и поможешь, – сказал Игорь.

– Так то оно так, почему бы не помочь, но смотря в чем.

– А в чем попрошу. Не только словом, но и делом. Как?

– Ребята, давайте еще выпьем, – прервала разговор, готовый перейти в опасное русло, Маринка.

– Не пить уже не хочется, – сказал Игорь.

– Да, не будем, – поддержал Андрей.

Маринка снова прыгнула на колени Андрею и полезла целоваться. Игорь сделал музыку громче.

– Марин, что болтают обо мне в школе и вообще? – спросила я, как только она отвлеклась от Андрея.

– Ничего.

– Не может быть, чтобы совсем ничего. Расскажи, как

есть. Я хочу знать, что есть на самом деле.

– Слушай, да кому ты нужна, – вспылила Марина. Ты не обижайся, сама напросилась. Ментам, похоже, никто не сообщал. Не хотят выносить сор из избы. Ждут. А про тебя говорят, что после смерти матери совсем крыша поехала. Дома сидишь взаперти как в клетке. То ли отец тебя закрыл, то ли сама. Шторы сорвала, и в окно как обезьянка смотришь, кривляешься. Приходили к тебе, а что толку. Калитка заперта. Кричали, стучали.

– Злая ты, Маринка, – грустно сказала я.

– А что я то. Случись со мной подобное, думаешь, на руках носили? Хрен. Никому мы не нужны. Здесь как в лесу. Каждый за себя. Кто сильнее, тот и прав. А если сломался, то все, будешь лежать, как труп. Пока падальщик не найдется. Он то и начнет терзать тело. Сначала мясо, затем внутренности. А другой кто-то примется за душу. А это уже... сама понимаешь.

– Понимаю, – ответила я.

На душе стало отвратительно. Что она несет? Алкоголь изменил ее сознание? Или у Маринки такая гнилая натура. Как говорят, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. В любом случае не хочу больше с ней иметь ничего общего. Видеть не хочу. И голос ее противный слышать.

Обидно. Как она меня с обезьянкой сравнила. Сама сейчас придумала? Или с подругами стояли, смеялись надо мной. Уверена, Маринка принимала в судилище участие.

А может быть она и есть инициатор подобных разговоров. «Случись подобное», – говорит. Она не знает и малой доли того, что произошло со мной. Конечно, я сама во многом виновата. Поверила Олегу. А как иначе, я влюбилась в него безумно. Первая любовь. Не зря говорят, что она навеки. От него все покатилося клубком, да так, что не распутать.

Дала себе слово вернуться к жизни, столько страдала, и вот, не успела выйти на улицу, как снова употребила наркотик. Даже на мгновение не задумалась. Будто зверь поселился внутри. Услышав знакомый дымок, он тут же очнулся от дремы и овладел моим разумом. Как избавиться от него и вернуть себя?

– Ладно, пойду. Засиделась у тебя, Марина, – сказала я, вставая. – Спасибо за угощение. Давно так вкусно не ела. Борщ супер. И коньяк классный.

– Не за что, – ответила Маринка. Ты не обижайся, заходи, как время будет.

– Да, конечно, – сказала я на прощание.

Я шла домой, слегка пошатываясь. Настроение было подавленное. После долгих дней добровольного заточения я почувствовала вкус жизни, и он тут же померк. Как огонек свечи от коварно подувшего ветерка среди затишья. Да, Маринка, конечно, тварь. Встретила холодно, в конце наговорила обидного.

С другой стороны, пригласила зайти, с ребятами познакомилась. Как приятно было слушать их разговор. Особенно, ко-

гда Игорь стебался над образованным, но каким-то недалеким Андреем. Так бы каждый день. Но знаю, что это больше не повторится. Вряд ли Андрей к Маринке будет приходить с Игорем. А без него она не пригласит к себе. Да я и не пойду к ней после ее слов.

Депрессивные мысли прервал Игорь, тихо подкравшись.

– Разрешите проводить? – тишину прервал его голос.

От неожиданности резко обернулась. Игорь оказался невысоким, широкоплечим, крепкого телосложения. В полутьме различались контуры его лица, но цвет глаз рассмотреть не удалось. Мне не нравились парни ниже меня ростом, но какое это сейчас имело значение. От радости я готова была его расцеловать. Едва не кинулась ему на шею. Это был порыв, который быстро прошел, оставив за собой радостное настроение.

– Пожалуйста, – ответила я без эмоций.

Игорь взял меня под руку, и мы потихоньку двинулись.

– Слушай, у меня есть к тебе предложение, – вдруг сказал он.

– Руки и сердца?

– Пока только руки, – не растерялся Игорь. – Этой, за которую я тебя держу. Разреши взять ее в комплекте с тобой и повести в одно место. Не подумай ничего плохого. Думаю, оно тебе понравится. Я не был там больше двух лет. Не уверен, все-ли там на месте. Нужно проверить. Так что?

– Пошли, – сказала я.

Дорога казалась бесконечной. Прошли уже четыре квартала. У меня появилась одышка. Ноги мелко дрожали. Помогала крепкая рука Игоря, за которую я вцепилась.

– Долго еще? – едва выдавила из себя слова.

– Ты устала? – сказал Игорь и подхватил меня на руки.

На миг показалось, что упаду, от страха обхватила его за шею.

– Долго ты будешь меня нести?

– До пункта назначения. А там уж каждый своими ножками.

– Почему? – спросила я.

– Во-первых, я устану, во-вторых, местность там пересеченная, в-третьих...

Он не договорил. Я указательным пальцем нежно прижала его губы.

Подошли к какой-то высотке, по всей видимости, нежилой. Недостроенная, или готовится под снос. В темноте сложно определить. Вошли в подъезд. По лестнице Игорь буквально тащил меня за руку. Если бы знала, что будет так тяжело, наверное, отказалась. Радость приносило то, что все-таки пошла. Будь что будет. Мысль оказаться сейчас одной дома пугала. Что бы я делала сейчас одна?

Вспоминала Олега или Игоря, которого до сих пор не рассмотрела полностью? Грустила о потерянной жизни. Никакой надежды на будущее. Почему другие живут полной жизнью, радуются. Например, Маринка. Подленькая душонка.

А ведь живет же в удовольствии. И нет у нее проблем. На все, что ее не касается, она плюет.

А мне за что все это? Слабая я оказалась. Столкнувшись с горем, не выдержала испытаний. Поддалась влиянию Олега, и все покатилося вниз. Кто в этом виноват? Можно винить всех, включая Маринку. Почему я решилась пойти к ней? И именно сегодня Андрей пришел к ней с Игорем. Совпадение? К чему оно приведет? К изменению жизни в лучшую сторону, или к новой череде ужасных событий.

Кто он, Игорь? В конце концов, не привел же он сюда изнасиловать. А вдруг? Приподнятое настроение сменилось испугом. Темнота, ни одной живой души рядом. Как я раньше не догадалась? Ведь он же только вернулся из армии. Да что там говорить – с войны. С большей долей вероятности у него нарушена психика. Читала про это. Есть специальные реабилитационные центры для таких, как он.

Вот прямо сейчас, здесь, изнасиловает в извращенной форме, задушит, и все. Вряд ли получит наслаждение от сделанного. Он же не маньяк. Сделает на одних инстинктах. Никто не видел, что я с ним шла. Все, попалась мышка в ловушку. Сердце бешено стучит, готово пробить грудную клетку и выпрыгнуть. Словно хочет избежать насилия. Бедное сердечко. Оно же все чувствует. Это я думаю своим серым веществом, а оно предвидит. Успокойся, родное.

– Стой, – попыталась крикнуть я. Но издала какой-то хриплый нечленораздельный звук. Дернула руку, за которую

Игорь тянул меня.

Но он продолжал идти вперед, тащил за собой, сильнее сжав ладонь. Она вспотела, готова выскользнуть из его клещей как свежепойманная рыба из руки неуклюжего мальчишки, снявшего ее с крючка. Еще секунда, так и произойдет. Но Игорь не юнец. Почувствовав неладное, приостановился, потянул руку на себя, отпустил ладонь, и тут же зажал в тиски запястье. Все, теперь не отпустит добычу. Я хрипела, пыталась что-то сказать, крикнуть. Ничего не получалось. Он легко тянул меня как тряпочную куклу. По крайней мере такой я себя ощущала.

Глава 4

Нужно успокоиться, не растерять последние силы. Собраться, и в подходящий момент нанести единственный решающий удар. Как с Кочаном. Но тогда был нож. И что, помог он мне? Нанесла удар не туда, куда метила. И, к удивлению, Кочан спасовал. Но ситуация там была другая.

Чувствую, Игорь из другого теста замешан. Он будет, как раненый зверь, биться до последнего. Какие у меня варианты? Темнота помощник или противник? Даже врага можно завербовать в союзники. Какие плюсы у мглы? Не вижу я, но также слеп он. То есть шансы равны. Мы оба не можем определить состояние готовности. Если он сразу набросится, ударит, у меня не останется ни единого шанса. Значит, надо первой заговорить, выиграть время. Если прижаться вплотную, то лучше ударить коленом в пах. Как запасной вариант ласково провести ладонью по лицу, нащупать глаза.

Стоп! Почувствовала ладонь свободной. И размышления тут же оборвались. Что такое? Мы остановились.

– Ух, – тяжело выдохнул Игорь. – Все, конечная.

Для меня это как сигнал. В голове пронесся третий вариант. Как шутили мальчишки про первый прием каратиста. Бежать. Попыталась развернуться, ноги неуклюже переплелись, я пошатнулась и упала. Ладони смягчили удар, но все равно было больно. Из глаз брызнули яркие искры, которые

не исчезли, а стали кружиться вокруг лица. Правой рукой нащупала ступеньку. Повезло, что развернулась не полностью, приземлилась на площадку.

– Ой, Полинка, как ты неосторожно, – послышался голос Игоря. – Сейчас, подожди.

Послышался щелчок зажигалкой, и пламя слегка осветило площадку.

– Давай руку.

Игорь присел передо мной. Взял ладонь, помог подняться. Первый раунд я проиграла.

– Больно? – спросил он.

«Глупый вопрос. Как может чувствовать себя человек после падения на бетонную поверхность» – подумала я.

Сильно пекли ладони, болело в груди, но больше всего беспокоило колено. Но я произнесла лишь:

– Немножко.

– Где? – Игорь провел зажигалкой сверху вниз. Присел. Затушил пламя. Начал ощупывать обеими руками ноги. Сначала ступни, лодыжки, коснулся коленей.

Я крикнула и от острой боли на миг потеряла сознание. Похоже, стала падать, потому что не помнила момент, как Игорь вскочил и обхватил меня за плечи.

– Не вздумай падать снова, – сказал он и прислонил меня к стенке. – Стой пока так. Колено нужно перемотать, а то идти не сможешь.

Послышался треск разрываемой ткани.

– Что ты делаешь? – спросила я.

– Повязку готовлю, – ответил он. – Жгута нет, сделаем из подручных средств.

– Ты что, рубашку свою порвал? – Изумилась я. – Дурак.

– Ну не платье же с тебя срывать, – ответил он. – Как ты себе это представляешь?

Игорь перемотал колено. Чувствуется, умело. Боль немного утихла. Я даже перевела вес на обе ноги.

– Слушай, зачем ты меня сюда притащил? – вдруг спросила я.

В голосе уже не было страха или обиды. По крайней мере мне так казалось или хотелось, чтобы так было.

– А ты как думаешь? – ответил он.

– Ты всегда отвечаешь вопросом на вопрос? Я прямо спросила.

– Бывает. Как-то не очень получилось. Ты тоже хороша. Грохнулась почему? Явно не оттого, что голова закружилась. Пыталась обернуться и бежать. Испугалась. Я что, похож на маньяка?

– А что мне было думать? Тянул за руку как куклу какую-то. В заброшенном доме. Я что, игрушка для тебя? Живая забава. Беззащитная. Делай, что хочешь. Ты же с войны только вернулся. Для тебя человека убить, как утке шею свернуть. В «зачистках», наверное, участвовал. Слышала я про такое. И не трахался ты неизвестно сколько. А тут я, готовая стою. Ну, бери, делай что хотел. – В конце голос со-

рвался, и я зарыдала.

– Глупенькая ты, – сказал Игорь. – Разное в жизни было. Но есть такое понятие: враг и свой. Ты мне враг? Нет. Этим все сказано.

Повисло молчание, прерываемое редкими всхлипываниями. Я успокаивалась.

– Ты что, обиделся? – наконец промолвила я.

Игорь не отвечал.

– Ты где? – я попыталась сделать шаг, но стрельнуло в колене, и я ойкнула.

– Стой уже, а то снова упадешь, – слышался голос Игоря. – Давай уже доделаем то, что я хотел. Может, и тебе понравится. Шучу. Забудем все, что ты думала и говорила. Конечно, после всего стоило бы вернуться назад, но с твоей больной ногой сейчас мне как-то это с трудом представляется. По любому нужно сделать хороший отдых.

– Сколько здесь этажей, – спросила я.

– Девять.

– Мы на каком?

– А ты как думаешь?

– На последнем, – сказала я.

– И что дальше, как ты думаешь? – спросил Игорь.

– Не знаю.

– А если хорошо подумать? – продолжал меня мучать Игорь.

– Что ты ко мне пристал, – вспылила я. – Говори уже.

– Знаешь, что такое квест?

– Знаю, игра такая.

– Так вот, два года назад мы в нее играли. И этот дом – один из уровней игры. В нем столько загадок было. Не знаю, что за два года здесь изменилось, хотел проверить. С тобой. Ты готова?

– Куда мне деваться, – ответила я.

– Тогда вперед. В смысле, стой. В смысле, ты стой, а вперед – это образно. Нам нужно попасть на крышу. На потолке есть люк. Раньше его закрывал замок. Ключ спрятан здесь. Если замок сменили или ключ перепрятали, то дела плохи.

– Кто его сменит, дом ведь нежилой?

– По-всякому может быть. Кто-нибудь еще играет. Или все-таки решили стройку разморозить. Но это вряд ли. Много горя людям принесли. Деньги взяли. Фундамент, стены, крышу возвели, и все, пропали вместе с деньгами. Люди в администрацию. Там документы проверили, говорят, самострой, незаконная постройка, то есть. Под снос его. Но духа не хватает. Хотя, думаю, когда-то снесут. А может, продадут за копейки, и кто-то достроит.

– Вдруг сменили, что делать будем? – спросила я.

– Если игроки, то искать ключ. Он либо спрятан здесь, или имеется какая-нибудь закладка, указывающая на то, где он может быть.

– Тогда нам сил не хватит сегодня дальше его искать.

– Правильно, – сказал Игорь. – Будем надеяться, что все

в порядке. Хуже, если бомжары его вскрыли и облюбовали там место. Но замок не так-то просто взломать. Он не простой висячий. С секретом. Делали на совесть. Ладно, не будем гадать. Я полез.

Послышался легкий шорох. Дыхание Игоря участилось. Что он делает не видно. Полная тьма. Наконец Игорь сказал: – Здесь ключ, на месте. Теперь проверим замок.

Через время послышался щелчок, затем скрип, и среди мглы появился серый квадрат. Это Игорь открыл люк на крыше.

– Подходи, поднимай руки вверх, нащупай железный прут. Это ступенька лестницы. Подтягиваться можешь? – Послышался голос Игоря

– Нет.

– Ладно, стой на месте. Я спущусь.

Игорь взял за руку, подвел к стене. Двумя руками сжал талию, и я как пушинка взлетела вверх.

– Держись, – сказал он. Перехватил за ноги и потянул вверх.

Я едва успевала перебирать ступеньки. Наконец ступня коснулась железа. Помогая ногами, я полезла наверх. Руки нащупали угол люка. Я подтянулась, оттолкнулась ногами, выгнулась, и распласталась на крыше. Увидела звезды. Настоящие, большие, не те, что из глаз при падении. Они не кружились, только слегка мерцали. И рожок месяца с висящим на нем чертиком. Он одной рукой держался за угол,

покачивался и подмигивал мне. Его глаза блестели голубым цветом. Отчетливо виднелись рога. Я перекатилась несколько раз. Вновь глянула на месяц. Черт исчез. Что за ерунда? – А-а-а, свобода, – закричала я от охватившей радости. Послышался стук. Это Игорь захлопнул крышку люка. – Пошли, – сказал он.

Эйфория от внезапной свободы и свежего воздуха охватила меня. Я жадно глотала его, как воду из струящегося родника. Прохладную живительную влагу. С каждым глотком силы возвращались. Мгла отступила. Отчетливо виделся силуэт Игоря и прямоугольные надстройки вентиляционных и других сооружений.

Я не послушалась его. Не в силах встать. Даже не пыталась. Чувство умиротворения во всем теле и на душе.

– Ладно, оставайся, – сказал Игорь. – Я проверю тайник, все сделаю.

– Что? – спросила я, но он не ответил, только растворился в сумраке.

Я лежала, наслаждаясь покоем. Мне не было стыдно за минутный испуг, который я испытала, подумав об Игоре не весть что. А он догадался о том, что я подумала. Раньше я бы сгорала от стыда. Что со мной происходит? Становлюсь черствой, такой, как Маринка? Вот, опять ее помянула недобрым словом. Что она, эталон, с которым нужно сверяться? Нет, конечно. Просто я много дней провела практически взаперти, а сегодня она сильно меня задела.

Может, так и надо? Что бы не сойти с ума, разум обрастает панцирем, защищая себя от невзгод. И во что я тогда превращаюсь? Окукливаюсь в кокон? Но из него рано или поздно должна появиться прекрасная бабочка. Похоже на красивую сказку. А почему бы и нет. Я разве не заслужила хорошей жизни?

– Пойдем, – послышался голос Игоря.

Он помог подняться и повел меня за руку. Я действительно чувствовала себя как в сказке. Если не считать боль в колене и ломоту во всем теле. Но я почти не чувствовала их, они выскользнули из сознания. Мы остановились в опасной близости от края крыши. Взору предстала необъятная панорама города. Внизу сверкали огни фонарей, разноцветные блики гирлянд и рекламных афиш. Ползли автомобили, как светлячки, сверкая галогеновыми и светодиодными фарами. Сменялись цвета светофоров.

– Красиво? – спросил Игорь.

– Не то слово, – ответила я. – Обворожительно.

– Я рад, что тебе понравилось.

– Это лучшее, что я видела в этой жизни, – пробормотала я.

– У тебя жизнь еще только начинается, – ответил Игорь, – но я с тобой согласен. Это не самое плохое место. Можно целые ночи здесь проводить.

Я покачнулась. Игорь сделал шаг назад и потянул меня за руку. Я оказалась в его объятиях. Я на миг прижалась

к нему, затем отпрянула.

– Ладно, пошли отдыхать, – сказал он.

Я легла на что-то мягкое, обволакивающее. Сверху простирался полог. Игорь присел рядом, накрыл меня одеялом.

– Не испортилось добро за два года в тайнике. Здесь можно прожить все лето. Полог от дождя и солнца защищает. Красота. Для межсезонья и зимы есть другое место. Там не так красиво, но при нужде можно время скоротать.

– Что тебя связывает с Андреем? Мне показалось, вы такие разные по характеру. Общаетесь, будто не друзья. – Спросила я.

– Как-то не задумывался, но ты верно подметила, молодец. Я из обычной семьи, а Андрюха, как говорится, золотая молодежь. Родители богатые, деньги дают не считая. Он все по кабакам, да по другим злачным местам. Сегодня тоже предлагал мне с Маринкой отпраздновать мой приезд на широкую ногу. Я отказался.

Деньги он, конечно, тратит, но учится. Ничего не скажешь. Не знаю, как в универе, а школу с золотой медалью закончил. Сам учился, не за деньги. Ботаном был, как я его сегодня называл. В школе его обижали, кому не лень. Кроме меня. Не спрашивай, почему. Я сам не знаю. Вот он за меня и держался. А меня не так просто обидеть. С одного удара с ног валю. От природы такой. Учился не очень. Не двоечник, конечно, но вступительные экзамены провалил.

– Чем сейчас думаешь заниматься? Про бизнес говорил.

Какой?

– То я просто сказал. Прикалывался. Бизнес может Андрей замутить. Доучится. С его знаниями да родителями при деньгах. Тогда, может, и я ему на хвост прицеплюсь. Но, если честно, думаю, в замы он меня не возьмет. Ради бывлой дружбы, все-таки я его защищал, охранником предложит. Такова жизнь. Хорошо бы начальником охраны. Есть надежда. Куда же без нее. Но я сейчас не думаю о будущем. Отдохнуть хочется. Денежки кой-какие дали после дембеля. Думаю мотоцикл купить. До армии не получилось, а мечта осталась.

– Байкером хочешь стать? – спросила я.

– Нет. У них свои группировки, законы. А я просто хочу для себя купить. Не тяжелый, байкерский, а обычный, дорожный, типа Явы. Или кроссовый. Тоже неплохо. Знаешь, ехать без шлема, чтобы ветер обдувал лицо и волосы развевались.

– Опасно без шлема, – заметила я.

– Опасно вообще на мотоцикле ездить. Он только защищает при падении, и то, если ехать медленно. А на скорости если упасть, то, как говорил прапор, разница небольшая. Мозги по асфальту растекутся или в шлеме останутся.

– Ты прямо жуть рассказываешь.

– Нет, ты права. В шлеме нужно ездить. Только иногда снимать, когда свежий ветер нутром почувствовать захочется. Риск. От него не уйдешь.

– Что у Андрея с Маринкой?

– Встречаются с февраля. На зимних каникулах здесь в кабаке он ее подцепил. А что, она девка видная, симпатичная.

– Да прям, – с обидой сказала я.

– Не, ну она для него как раз. По кабакам ходят. Со мной она бы не стала встречаться.

– А ты бы хотел? Чисто теоретически.

– Я с тобой хочу.

– Ладно, не оправдывайся. Я же вижу, нравится она тебе. Игорь хотел что-то ответить, но я его перебила.

– Стой. Ничего не говори... Расскажи лучше про квест.

– Была одна фирмочка. Занималась разными проектами. Развлечения на все вкусы. Турпутевки организовывала, скачки, ставки принимала. Затем новшество появилось. Квест. Разные уровни. От простого до, не знаю даже как сказать. В общем, стали гибнуть люди. Потом прокуратура занялась фирмой. Не знаю, сбежали организаторы, или сели. После них несколько мест интересных осталось.

Дальше я не дослушала. Заснула. Проснулась на рассвете. Игорь лежал рядом. Слегка посапывал. Наконец-то я его рассмотрела. Короткие черные волосы. Нос горбинкой. Лицо округлое, мальчишеское. Только сеть морщинок выдавала, что на коротком жизненном пути пришлось много пережить.

Взгляд опустилсЯ ниже. Голый по пояс. Ну да, рубашка пошла мне на повязку. Смешной пушок посередине груди. Небольшие коричневые соски. Два шрама интересных.

Не приходилось видеть подобных. Может, от осколочных ранений? Провела ладошкой по груди. Волосы довольно жесткие. Под руку подвернулось маленькое перышко. Провела им под носом. Он смешно скривился и открыл карие глаза. Никаких чувств его взгляд во мне не вызвал. Вспомнился хитрый прищур Олега. Аж мурашки по телу пробежали.

– Проснулась? – видно Игорь не понял, что я его осмотрела и разбудила. Кстати, он тоже видел меня при свете впервые. Завороженно смотрел мне в глаза.

– Да-аа, – медленно протягивая слог, будто мурлыкая, ответила я.

– Как спалось?

– Классно. Никаких сновидений.

– Давно на свежем воздухе не спала?

– Давно. Дома все. В уютной постельке, – ответила я и вспомнила, что сейчас находится в комнате вместо нее. Крупная дрожь прошла по телу от макушки до кончиков пальцев ног. Заметил Игорь?

– А мне приходилось совсем недавно. Только место было небезопасное. Ой, извини. Зачем это тебе. Сорвалось. Просто сон приснился, до сих пор перед глазами стоит.

– Почему, мне интересно, – ответила я. – Шрамы у тебя откуда?

– Оттуда, – односложно ответил Игорь и смущенно натянул одеяло на грудь.

– Расскажешь?

– Когда-нибудь, – ответил он. – Сейчас надо хотя бы умыться и позавтракать. Здесь была вода, но она протухла. Схожу чего-нибудь куплю.

Он встал.

– Как ты без рубашки пойдешь?

– Это ты правильно заметила. Нужно в первую очередь купить. Не дай Бог менты в участок заберут, а у меня и документов с собой нет. И на учет в военкомат еще не стал. Во дела. Продержат до выяснения личности неизвестно сколько. Ничего. Места знакомые, я потихоньку попробую. Если к вечеру не будет, иди к Маринке, найдите Андрея и звоните. Кого в таких случаях обзванивают? Милицию, больницы, морги.

– Ну тебя.

– А что, кроме ментов еще лихачи по дорогам ездят, хулиганы в подворотнях сидят.

– Ладно, иди уже. Только осторожно. Хорошо?

– Постараюсь. – Игорь обернулся и пошел крадущейся походкой.

Я попыталась вскочить. Острая боль пронзила колено.

– Постой, – крикнула я.

Игорь обернулся. Посмотрел на меня. Взгляд задержался на колене. Подошел.

– Ну да, тебе еще нужно эластичный бинт купить.

– Да. А еще обезболивающее. Пожалуйста... морфий, – слетело с языка.

– Что-что?

– Морфий, или что там колют при сильных болях, – ответила я.

– У тебя не такая уж сильная боль, чтобы наркотик колоть.

– Сильная, сильная, – я обняла его за шею и сладко замурлыкала в ухо. – Я тебе сделаю так хорошо. Все, что ты захочешь, о чем два года мечтал.

– Что ты несешь, – Игорь отстранил меня от себя. – Мне не надо так. И откуда тебе знать, о чем я мечтал. Да и где я тебе наркоту возьму?

– У тебя же была папироса вчера.

– Прикупил я парочку в поезде при случае. Так, для пробы. А вообще я не употребляю.

– Игорь, миленький, ну достань, пожалуйста. Я тоже не употребляю. Просто колено сильно болит. Я на первый этаж не спущусь и до дома не дойду.

– Ладно, придумаем что-нибудь, – Игорь стал быстро удаляться.

Что я наделала. Все испортила. Что он подумал обо мне? Что я проститутка продажная. Какая романтическая обстановка была. Игорь явно на меня запал. Правда, ему Маринка нравится. Но она с Андреем. А я здесь. Заметила, каким взглядом на меня смотрел, когда проснулся. Если не влюбленным, то небезразличным, уж точно.

Что со мной делается? Таящийся в подсознании зверь при первом же случае выпрыгнул и завладел сознанием. Сейчас

поводом оказалась боль. И я снова, как у Кочана, этой мрази, стала клянчить наркоту. Кто я на самом деле? Ссылаюсь на зверя внутри меня. Что бы оправдаться? Перед кем? С собой. Сама себя пытаюсь обмануть. Смешно. Прямо до слез.

И правда, почувствовала влагу на щеках. Затем соленый привкус на губах. Слезы стекали вниз и капали на грудь. Хромая, подошла к краю крыши. Неосторожное движение, и полечу вниз. Миг свободного падения и все. Больше нет страданий, мучений. Но и радости то же. А как хочется увидеть папу. Соскучилась по нему. Игоря тоже жду с нетерпением. Он забавный.

Отошла от опасной черты. Легла на матрас. Вдруг Игорь не придет? Что тогда думать? С ним случилось что-то или он бросил меня? Как я могла недвусмысленно ему намекнуть на секс? Неужели я бы и правда продалась ему за дозу? А Кочану? Ему-то точно нет. Ненавижу его. Ладно унижения, их можно забыть, по крайней мере завуалировать, убрать в самые отдаленные части подсознания. А эти порывы к дозе в самые неожиданные, неуместные моменты. После них ощущается грязь в душе. Она остается, и неизвестно, как ее смывать.

А если Игорь принесет дозу? Вот так просто, открою глаза, а он стоит с наполненным мутной жидкостью шприцом. Он может. Столько в нем загадок. Что я буду делать? Откажусь. Крикну, выкинь вниз. Легко сказать. А потом побегу по лестнице, не думая о боли в колене. Все девять этажей без

остановок. И буду ползать по траве, прощупывать каждый сантиметр в поисках шприца. Он же легкий, одноразовый, пластиковый. Трава смягчит падение. А Игорь будет смотреть сверху на меня как на пресмыкающуюся змеюку с обрезанным хвостом.

Нет уж, лучше уколоться и сразу с крыши прыгнуть. Нет, после инъекции не смогу. Расслаблюсь, потеряю стыд. А после начнется ломка. Я ведь почти отошла от нее. Второй раз врагу не пожелаю испытать такое. Игорь, зачем я тебе такая? Не приходи. Я пролежу до вечера, а там как-нибудь дошкондыбаю до дома. Займу денег у соседки какой-нибудь, куплю еды. Надо бабушку покормить. Сколько она уже на голодном пайке. Не война ведь, в конце концов, человека голодом морить.

Размышления перебил звук шагов. Я присела. Игорь шел в оранжевой рубашке с двумя пакетами. Поставил перед надувным матрасом. Достал два пластиковых стакана, бутылку минералки. Вытащил пузырек с таблетками. Подал мне две.

– Выпей, это не наркотик, но легче станет.

Я проглотила таблетки, запила шипящей жидкостью.

– Давай ногу, – сказал Игорь.

Он намазал колено каким-то гелем, помассировал. Наложил эластичный бинт.

– Ну вот, теперь можно хоть в атаку идти. Шучу. Попробуй пройтись.

Действительно, идти стало легче.

– Скоро таблетки подействуют, совсем хорошо будет.

– Ты как сходил, без происшествий? – спросила я.

– Нормально. Прикинулся, что бегом занимаюсь. Все-таки утро, хоть и не раннее. Даже люди не оборачивались. Как магазин одежды увидел, юркнул в него. Видела бы ты глаза продавщиц. Выпучились как у раков, ей Богу, честно слово. Гопники, говорю, отобрали все. Хорошо, хоть кроссовки да штаны оставили. Не понравились, наверное, а может, побрезговали. Я ведь от страха вспотел. И запах от меня пошел. Я помахал рукой перед носом. Они от жалости предложили неликвид. Нет, говорю, они не все деньги забрали, в одном кармане остались. Давайте мерять что-нибудь хорошее, модное. Но не сильно дорогое. Денег-то не много осталось.

Я невольно улыбнулась. Забавный он все-таки.

Игорь постелил газету, выложил хлеб, колбасу, сыр, кефир, пластиковые контейнеры с салатами, апельсины. Последней появилась бутылка красного вина.

– Не знаю, какие у тебя предпочтения в еде, поэтому взял на свой вкус. Только не говори, что ты укоренившаяся вегетарианка. Не то мне придется застрелиться. Из фруктов только апельсины. Ими ты явно не наешься. Вдобавок, начнешь чесаться.

– Спасибо, я ем все. А сейчас так слюной захлебнусь.

– Секундочку. Полей мне

Игорь достал из другого пакета пятилитровую бутылку, мыло. Снял рубашку. Я полила ему на руки. Он фыркал, как

нутрия. Тер ладонями шею, торс. Я лишь умылась. Конечно, хотелось помыться всей, но не здесь же, в самом деле.

Игорь принялся ловко резать хлеб, колбасу, сыр, делать бутерброды. Салаты ели пластиковыми вилками. Вкусностища. Мы с мамой никогда не покупали готовые. Делали сами. По разным рецептам. Но у этих была какая-то изюминка. Я не могла разобрать некоторые ингредиенты.

Утолив голод, выпили по стакану вина.

– Хорошо здесь, – сказала я.

– Да, классно, – ответил Игорь. – Сейчас бы искупаться. Два года, считай, не плавал.

– А я вообще не умею плавать.

– Правда?

– Да. Что здесь такого. Чего ты удивляешься. Я вообще воды боюсь.

– Почему?

– Не знаю. Папа в детстве пытался научить. На нашей речке. Так я воды нахлебалась, чуть не задохнулась. С той поры и боюсь.

– На море надо учиться. Там вода соленая, легче научиться.

– Честно говоря, я на море никогда не была.

– Да ты что. Нужно это исправить. Завтра же поедем.

– У меня денег нет.

– А у меня есть

– Игорь, не надо. Ты же мотоцикл хотел купить. Потра-

тишь, мечта не исполнится.

– Ничего. Не поверишь, я тоже моря не видел. Вернее, не совсем. В детстве был, но практически не помню. На речке все время. Так что у меня не одна мечта, как видишь. Множество. Только я мало о них знаю.

– Это как?

– Они появляются из подсознания, как из тумана. Заговорили с тобой о море, и я вспомнил.

– Да? Что же еще таится в твоей душе?

– О, душа это тайник. У каждого как в сундуке много чего припрятано. И хорошего, и плохого.

– Только не спрашивай сейчас меня, пожалуйста. У меня все там смешалось, что я сама боюсь ее приоткрыть.

– Не бойся, не буду. Я чувствую, что тебе нужно с собой разобраться. Придет время, все разложится, как надо. Попробую тебе помочь. Займу денег у Андрея, куплю мотоцикл и помчимся на железном коне к Черному морю. Научу тебя плавать. Будешь, как утка в воде плескаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.